

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Памятка объ А. П. Чеховѣ.

I.

Не разъ я хотѣлъ писать о Чеховѣ, но мнѣ было такъ трудно передать свои воспоминанія. Для этого нужны особыя приемы. Почему-то онъ представляется мнѣ весь въ нѣжныхъ, едва уловимыхъ полутонахъ. На Югѣ бываютъ такія туманы: палевые, и въ нихъ чуть проступаютъ очертанія. Образы писателя были опредѣленны и выпуклы, но онъ самъ—удивительный наблюдатель струившейся мимо жизни—оставался въ сторонѣ красивою и милою загадкой для тѣхъ, кто, какъ я, только встрѣчался съ нимъ мимоходомъ. Сейчасъ я роюсь въ прошломъ и, точно въ ясный вешній день, люблюсь едва замѣтными тѣнями отъ сквозной молодой листвы. Можетъ-быть, Чеховъ и не былъ такимъ и, по всей вѣроятности, друзьямъ, лучше его знавшимъ, онъ является въ иныхъ краскахъ и формахъ, но это все равно: я говорю о моихъ впечатлѣніяхъ, и только.

Кому случалось проводить одиноко вечера за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ, тотъ помнитъ, какъ изъ потемочныхъ угловъ на него смотрѣло его былое—далекое-далекое, едва различимое. Оторвешься отъ работы, откинешься,—и оно чуть мерещится отовсюду, чудится, полупрозрачное, сторонясь отъ слабаго свѣта лампы. Такимъ именно едва намѣчивается мнѣ первое свиданіе съ блѣднымъ, вдумчивымъ юношей у другого, менѣе извѣстнаго и—увы!—тоже рано ушедшаго изъ міра писателя—Хрущева-Сокольникова. Я только что вернулся изъ первой поѣздки въ Италію и, должно-быть, ужъ очень восторженно разсказывалъ о ней, потому что изъ угла вдругъ послышалось:

— Эхъ, если бы гроши были, и я... Нѣтъ, я бы не хотѣлъ туда.

— Почему?

— Лакированная она у васъ какая-то. Точно новый паркетъ. Только что полотеры ушли,—весь блеститъ.

— Это въ старыхъ-то галереяхъ?

— Облупилась, а все-таки лакированная... Вотъ вы, напримеръ, о дождѣ въ Веронѣ, такъ вѣдь дождь-то ее еще больше обмылъ, и, мокрая, она вся загорѣлась на солнцѣ...

Послѣ его первой поѣздки въ Италію миѣ А. С. Суворинъ, съ которымъ онъ туда отправился, передавалъ: „Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, Антонъ Павловичъ мало на что смотрѣлъ. Больше въ винтъ игралъ“...

Это ужъ было позже, когда А. С. Суворинъ влюбился въ молодой талантъ и старался расчислить его дорогу отъ неизбежныхъ волцевъ и терній. Самъ Чеховъ въ этотъ медовый мѣсяцъ такъ поздно выпавшаго на его долю головокружительнаго успѣха точно отошелъ отъ него въ сторону, смотрѣлъ на восторги вчера еще невѣдавшаго его читателя извнѣ и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ повторялъ не разъ:

— Вотъ еще нашли... Это все Григоровичъ съ Бѣженскимъ выдумали, а Суворинъ имъ повѣрилъ... Талантъ!.. А я ужъ сколько времени такъ пишу...

II.

Кто-то изображалъ его застѣнчивымъ. Это не то слово. Онъ, какъ всякая крупная творческая сила, былъ спокоенъ и скромнъ. Терпѣть не могъ разговоръ о своихъ произведеніяхъ. Разъ, въ театрѣ Корша, въ Москвѣ, какая-то поклонница,—настоящая песья муха,—набросилась на него, точно ей до-смерти пить захотѣлось. Отъ восклицательныхъ знаковъ перешла къ цитатамъ. И не успѣлъ еще бѣдный А. П. отчураться, какъ она одну его страницу—наизусть. Чеховъ весь пошелъ красными пятнами:

— Ради Бога, уведите ее... У меня въ карманѣ свинцовка есть. Я вѣдь и убить могу...

Но это была исключительная дура. Онъ не выносилъ и болѣе скромной бесѣды о себѣ.

— Давайте о другомъ... Тоже нашли предметъ...

Или дѣлался мрачнымъ.

— Знаете, за границей однимъ хорошо: никому до тебя никакого дѣла... Ходи вольно. А то, помилуйте, пошелъ я въ Тѣстовъ трактиръ обѣдать, а какой-то купецъ, напро-

тивъ, увидѣлъ меня, поперхнулся и всю даму рядомъ обрызгалъ. Что жъ тутъ красиваго? Не дають разстегая съѣсть...

Какъ-то, въ Петербургъ уже, вышли мы съ нимъ отъ пріятеля.

— Они говорятъ, а вѣдь я имъ не вѣрю.

— То-есть, какъ же это?

— Очень просто. Иной разъ кажется: выдумали они меня нарочно и тычуть мною въ глаза кому-то...

Меня уже въ это время поражала въ немъ особая наблюдательная способность. Отъ него ничто не ускользало. Онъ все окружающее воспринималъ полностью. Вотъ ужъ именно былъ человекъ безъ шоръ. И свѣтъ и тѣни на его негативы ложились во всей совокупности. Бывало, говоритъ о чемъ-нибудь, и вдругъ, точно изъ мѣшка, высыплетъ и сравненія и тонкія черточки неувидимыхъ подробностей. У нашихъ крупнѣйшихъ писателей онъ часто загромождаетъ цѣлыя страницы. Чеховъ, помимо наблюдательнаго, въ высокой степени обладалъ и, если такъ можно выразиться, очистительнымъ аппаратомъ. Стоило ему взяться за перо, и этотъ начиналъ дѣйствовать, просѣивая настоящее зерно и отбрасывая шелуху и соръ. Сдѣлайте опытъ. Возьмите карандашъ, прочтите внимательно хотя бы страничку Тургенева, и вы что -нибудь да вычеркнете оттуда. И самый придирчивый критикъ не могъ бы совершить такой операціи надъ Чеховымъ.

Цѣломудріе творчества!.. Строгость къ себѣ и, порою, быть-можетъ, мучительная неувѣренность. „Всѣ говорятъ, а вдругъ это неправда“.

III.

Я разъ его видѣлъ за работой.

Въ Ниццѣ, въ русскомъ пансіонѣ, наши комнаты были рядомъ.

Вечеромъ я вернулся и вспомнилъ, что онъ просилъ меня заглянуть къ нему. У него все тонуло во мракѣ. Только и было свѣту, что подъ зеленымъ абажуромъ небольшой лампы посрединѣ. Начатый листъ бумаги. Всмотриваюсь: въ потемкахъ, въ углу, едва мерещится Антонъ Павловичъ.

— Сейчасъ...

Всталъ, подошелъ къ столу, вычеркнулъ строчку и опять въ свой уголокъ.

Я хотѣлъ уйти.

— Погодите.

Двѣ-три минуты, опять Чеховъ у стола, наскоро набросать что-то...

— Сегодня трудно пишется... Вообще писать не легко... Ужасно легко думать, что именно напишешь. Кажется, всего и остается переписать на бумагу готовое. А тутъ-то и пойдетъ московская мостовая. О каждый булыжникъ спотыкаешься. А иногда вдругъ, какъ по рельсамъ, цѣлая страница!.. По-старому, пожалуй, во вдохновеніе бы повѣрить. Только такія страницы не очень удачны выходятъ.

Такъ у меня и осталось въ памяти зеленое пятно отъ лампы въ потемкахъ и блѣдное лицо Антона Павловича въ углу.

— Ночь хороша?

— Да... Звѣзды и тепло. Море спокойно.

— Притаилось? А что, если мы пойдемъ на набережную? Впрочемъ, нѣтъ! У меня сегодня въ груди „точно мыши скребутся“. Посидимъ лучше. Вотъ, ей Богу! Якоби шляется иногда некстати. Сейчасъ я бы ему обрадовался—живой человѣкъ, а его нѣтъ. Вѣрно, въ Монте-Карло поѣхалъ на жуліе выигрыши облизываться!..

IV.

Оглядываешься назадъ,—и тамъ, по всему громадному пути,—могилы, точно верстовые столбы. Позади—не жизнь, а кладбище. Съ Якоби Чеховъ въ Ниццѣ встрѣчался чуть ли не каждый день. Извѣстный художникъ только что закончилъ всѣ счеты съ академіей и, какъ всегда это бываетъ, чуть не отплевывался при воспоминаніи о ней. Былъ онъ милымъ человѣкомъ, но, во-первыхъ, никакъ не могъ забыть о томъ, что когда-то всѣ его считали красавцемъ, и продолжалъ мнить себя такимъ же, хотя изъ его рембрантовскаго воротника сиротливо подымалась дряблая и морщинистая шея, во-вторыхъ, была у него страсть рассказывать тошныя анекдоты. Якоби уже въ это время подтачивалъ недугъ, который вскорѣ и свелъ его въ могилу. Какъ-то онъ казался особенно въ ударѣ. Самъ надтреснуто не смѣялся, а дребезжалъ на собственныя неприличности.

— А Якоби скоро умереть.

— Почему?

— Самого себя обмануть хочетъ. Вы всмотритесь: рассказываетъ анекдоты, хохочетъ, а въ глазахъ у него ужасъ смерти... Да, впрочемъ, что жь... Мы всѣ приговоренные.

— Съ самага рожденія.

— Нѣтъ, я про себя... Мы въ первую очередь... Вы еще жить будете, придете сюда, къ морю. Сядете на эту скамью. Какая даль сегодня! Посмотрите, вонъ парусъ. Совсѣмъ крыло. Чье это сравненіе! А вотъ, что море сиреневое,— это мое!

Онъ принудилъ себя засмѣяться.

— Да, всѣмъ жить! И этой, вонъ, паршивой собацѣ, если ее фурманщикъ не зацѣпитъ... А я буду „упокояться во блаженномъ успеніи“. И вѣдь знаете... Такъ жить хочется! Что бы написать большое-большое? Къ чему-то крупному тянетъ, какъ пьяницу на водку... А въ ушахъ загода— „вѣчная память“. Иной разъ мнѣ кажется, всѣ люди слѣпы. Видятъ вдали и по сторонамъ, а рядомъ, локоть о локоть, смерть, и ея никто не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить... Вонъ Якоби, тотъ себя одурманиваетъ скверными анекдотами, а вѣдь онъ, какъ и я,—видитъ ее, видитъ...

Въ этотъ день такъ былъ великолѣпнень закатъ.

Чехову строго-настрого было приказано проводить его въ комнатахъ съ закрытыми окнами. Когда садится солнце, на Югѣ, особенно у моря, быстро падаетъ температура. На слабыя груди такая переменна дѣйствуетъ болѣзненно. Антонъ Павловичъ изъ своей комнаты перешелъ ко мнѣ. Точно припалъ къ стекламъ. Весь западъ тонулъ въ огнѣ и багрянцѣ. На листьѣ деревъ трепетало его пламя. Цвѣты внизу вспыхивали отъ прощальныхъ зажигавшихъ ихъ лучей... Худошавые пальцы Антона Павловича нервно поводило...

— А все-таки я ее надую.

— Кого?

— Смерть... Врутъ все, и вовсе мнѣ не опасно, и зацѣмъ только я ихъ слушаю. У кого нынче грудь сильна? Чепуха! У меня родные были,—и похуже моихъ легкія, а до семидесяти доживали. Это скверно—самому быть докторомъ. Все преувеличиваетъ. На что вы не обратите вниманія,—для меня показатель. А показатели эти брешутъ и только жить эскулапамъ мѣшаютъ. Возьму да и наплюю и всѣхъ надую. Пожалуй, даже до такого нахальства дойду,

что, какъ *** , ни оди́хъ похоро́нъ не пропу́шу, надъ ка-
ждой сви́жей могилой буду́ рѣчи произносить.

И засмѣялся и повеселѣлъ, и мы (кстати, подошли дру-
гіе русскіе) чуть не до двухъ часовъ ночи проболтали.

Съ этого дня Чеховъ чувствовалъ себя повышенно бодро.

И я ото всей души вѣрилъ ему:

— Врачи наврали про мою болѣзнь, а я ей повѣрилъ...
Еще какъ поживемъ.

V.

За годъ до „русскаго пансіона“ мы встрѣчались въ
Болѣе, на прелестной виллѣ у Максима Максимовича Кова-
левскаго. Тогда жили въ Ниццѣ: докторъ Бѣлоголовый,
Джаншѣвъ и, кажется, А. Н. Плещеевъ. А. П. Чеховъ
чувствовалъ себя великолѣпно и одного понять не могъ:
зачѣмъ его послали сюда. Въ Ниццѣ по субботамъ были
такъ называемые русскіе обѣды. У Антона Павловича то
и дѣло вырывалось:

— Ну, зачѣмъ я здѣсь!..

— Развѣ плохо?

— Нѣтъ, а только все чужое... Въ Москву, хочу въ
Москву.

Впослѣдствіи, въ „Трехъ сестрахъ“, это „въ Москву,
въ Москву!“ прозвучало какъ лейтъ-мотивъ. Такъ и у него
оно выходило—подчеркнуто, съ особеннымъ удареніемъ.

— А то еще куда меня гонятъ: въ Африку... Ни за что
не поѣду...

И, разумѣется, на зиму поѣхалъ, если мнѣ не измѣняетъ
память.

Какъ-то мы выходимъ отъ М. М. Ковалевскаго. Въ его
саду только что поднялась великолѣпная пальма. Стволъ
еще не подростъ, вся она роскошнымъ вѣнцомъ точно къ
землѣ припала...

— Въ Москву хочу!

— Ну что въ Москвѣ хорошаго?—смѣялся я.—Посмо-
трите здѣсь,—какая это прелесть.

Чеховъ съ ненавистью взглянулъ на пальму.

— Нашли же!.. Жирная индюшка съла,—и встать ей
трудно. То ли дѣло наши березки... Скромныя, стыдливыя.
Совсѣмъ мѣщанскія невѣсты. Вывели ее къ жениху, а она
не знаетъ, куда ей глаза дѣвать!..

VI.

Не знаю, какъ потомъ, а тогда онъ любилъ думать вслухъ.

— Я только что изъ Ментоны. Сидятъ на берегу въ креслахъ чахоточные и плюются. А море, здоровое, сильное, смѣлое. спокойно катится къ нимъ... У кресель съ больными жены и мужья... Хорошо бы написать, какъ они ненавидятъ больныхъ, какъ рабы, прикованные къ галерѣ... И только природѣ нѣтъ дѣла ни до тѣхъ, ни до другихъ.

Немного спустя.

— Пришло мнѣ, знаете... Очеркъ одинъ.. Сельская учительница въ крестьянскомъ возкѣ. Сама въ овчинномъ полушубкѣ, въ сапогахъ. Лицо бурое, грубое, обвѣтренное. Грязью захлестало всю. Шелудивая лошаденка добѣжала до желѣзной дороги, и стопъ,—проѣзду нѣтъ. Мимо громяхаютъ вагоны. Въ окнахъ перваго и второго классовъ мелькаютъ молодыя, нѣжныя дѣвушки, хорошо одѣтыя... Учительница смотритъ,—въ каждой изъ нихъ себя видитъ. Такою, какой была нѣсколько лѣтъ назадъ. Подняли шлагбаумъ... Возокъ покатился. Мужичонка жесткой, какъ мозоль, оглядывается: что это-де случилось? Видитъ, понять не можетъ, чего это учительша реветъ...

Мнѣ это очень понравилось.

Черезъ нѣсколько лѣтъ спрашиваю: написали?

— Нѣтъ, что жъ... И не буду... Не выходитъ какъ-то. Не стоитъ.

Я началъ возражать.

— Если хотите, вставьте при случаѣ, какъ главку... А мнѣ... Я пробовалъ и разорвалъ.

VII.

Онъ очень много и мучительно работалъ, но терпѣть не могъ, чтобы говорили объ этомъ. Я помню разъ въ Болъе на завтракѣ у М. М. Ковалевскаго:

— Вотъ видите, лѣнюсь, баклуши бью... А публика, она наивная, воображаетъ, что я отъ письменнаго стола не отрываюсь...

— Ну, положимъ!

— Что положимъ?

— Цѣлый вечеръ!

— Такъ я притворялся... А то отъ кульяпки нельзя было отдѣлаться. Онъ бы все добивался отъ меня, что я о пробирной палаткѣ думаю.

У насъ, въ Ниццѣ, были два смѣшныхъ постояльца въ „русскомъ пансіонѣ“.

Одинъ прямо изъ пробирной палатки пріѣхалъ и мнилъ себя чуть не Киромъ, царемъ персидскимъ, а другой, ужъ совсѣмъ шутъ гороховый, изъ Варшавы явился и въ первый же разъ въ табльдотѣ на Чехова наскочилъ.

— Извините... Я, можетъ-быть, по роду своихъ занятій непріятенъ вамъ...

Блѣдный, усы еще не растутъ, глаза испуганные, наивные, губы подѣтски пухлыя.

— А вы кто такой?

— Я-съ... Извините... Шпіонъ-съ!

— Что?

— Такъ точно... Потому гимназію окончить не могъ. Ну, а генераль мамашу мою очень уважалъ. У меня мамаша почтенная... Ну, такъ онъ: „Хотите, говоритъ, я устрою вашего мальчика въ шпіоны?“ И вотъ, извините, дѣйствительно, устроилъ. „Мы, говоритъ, ему жалованье положимъ, и какъ онъ слабенькій, такъ для воздуха будемъ его за границу на казенный счетъ посылать...“ И, извините,— послать...

— Позвольте,— серьезно спрашиваетъ Чеховъ, а у самого глаза смѣются,— такъ этакъ и на меня донесете?..

— Помилуйте, извините... какъ же это можно... Чтобы я посмѣлъ. Я васъ читалъ... Мы великихъ людей уважаемъ... На домахъ доски: „Здѣсь умеръ такой-то“. Что вы-съ. Мнѣ даже страшно слушать отъ васъ такое. Извините.

— Да вѣдь вы же будете доносить?

— Какъ же!

— О чемъ?

— Вообще... Извините... Вотъ, мы тутъ...

Уставился тупо въ уголъ и совершенно неожиданно:

— О направленіи умовъ.

Очень меня занялъ этотъ „извините, шпіонъ-съ“... Чеховъ это замѣтилъ.

— Послушайте, вы мнѣ его уступите... Я его во весь ростъ написать хочу...

Смаковалъ онъ его, смаковалъ, и все-таки бросилъ. А типъ попался благодарный.

— Вы знаете, чѣмъ онъ меня угѣшилъ?

— Кто?

— „Извините, шпионъ-съ!“ „Я, говоритъ, маленькій человекъ, а сейчасъ на одну линію съ вами попалъ!“ Напримѣръ?—спрашиваю. „А какъ же: вы были въ Сахалинѣ на казенной командировкѣ, а я на такой же здѣсь“... Помните одинъ изъ анекдотовъ Якоби о Рубинштейнѣ и господинѣ, ѣхавшемъ жениться?

И расхохотался.

Смѣялся рѣдко, но когда смѣялся, всѣмъ становилось весело.

Точно лучъ врывался въ потемки.

— Сейчасъ у меня съ нимъ опять разговоръ былъ.

— Послушайте, что же васъ заставило итти на такую должность?—спрашиваю.

— Извините, должность хорошая... Каждое двадцатое число—пришелъ и получилъ. Потомъ, шпионовъ всѣ боятся, а они никого.

— Но вѣдь иногда и ихъ бьютъ.

— Разумѣется, извините, это неприятно... но, во-первыхъ, не надо попадаться... А потомъ гимнастика... Насъ, говорить, будутъ обучать съ гириями. На случай. Извините!..

VIII.

Можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ казалось, что у А. П. Чехова была особая манера: прежде чѣмъ писать,—пробовать остроумное сравненіе, веселый разговоръ или эпизодъ его на собесѣдникахъ. Какъ будто невзначай, вставить и посмотреть, какое впечатлѣніе произвелъ онъ. Потомъ встрѣчаешь, бывало, уже знакомую подробность въ печатномъ разказѣ. Угадывалъ онъ эти впечатлѣнія удивительно. Сидитъ, смотритъ передъ собою черезъ ваши головы куда-то далеко, а видитъ и замѣчаетъ все кругомъ. Потомъ у него вырвется нѣсколько словъ, по которымъ ясно, что мимо него ничего не прошло даромъ. Каждая бесѣда съ нимъ, мимоходомъ, наскоро, что-то оставляла въ душѣ. Западетъ, бывало, чеховская фраза, вспомнишь ее послѣ и любишь. Я не помню, у кого это было. Заговорили о малороссахъ и русскихъ. Спорили много, и Антонъ Павловичъ будто не слушалъ даже, а потомъ вдругъ:

— Знаете, на Сахалинѣ разъ посѣтилъ я острогъ. спрашиваю у одного (хохолъ онъ былъ): „За что ты здѣсь?“ И 403

онъ вдругъ плаксиво: „Заняпрасно, ваше благородіе! Ей-Богу, заняпрасно. То-есть, вотъ какъ Богъ на небѣ... Ничего я же жъ не сдѣлать... По чужому оговору задарма страдаю“. Слезы въ голосѣ слышны, и самъ весь скисъ и осѣлъ. А рядомъ нашъ. Къ нему я съ тѣмъ же вопросомъ: „Ты какъ сюда попалъ?“ Тотъ, не опустивъ глазъ, смотритъ на меня, даже, если хотите, вызывающе: „Извѣстно какъ. За хорошія дѣла сюда не посылаютъ!“

— Да, можетъ-быть, первый и въ самомъ дѣлѣ не виноватъ?

— И я было подумалъ. Справился: двухъ прирѣзалъ и на второмъ попался.

Была въ его характерѣ одна комическая черточка. Терпѣть не могъ похвалъ его таланту и художественнымъ произведеніямъ и въ то же время близко къ сердцу принималъ сомнѣніе въ своихъ врачебныхъ достоинствахъ. Зашелъ онъ какъ-то ко мнѣ въ Петербургѣ. Жилъ я тогда въ гостиницѣ „Англія“ и чувствовалъ себя неважно. Послушалъ онъ мой пульсъ.

— Ниточка дрожить. У васъ пульсъ клубнаго игрока, хоть по ночамъ тотъ за картами, а вы за письменнымъ столомъ. Лѣстницу перемѣните, нельзя вамъ высоко жить. Я бы на вашемъ мѣстѣ думалъ, на какой ступенькѣ хлопнусь...

Я засмѣялся.

И вдругъ обидчивое:

— Да вы, что же, не вѣрите мнѣ? Плохой я врачъ, по вашему?

— Нѣтъ, вѣрю... Только нельзя быть одинаково крупнымъ и въ литературѣ и въ медицинѣ. Чеховъ писатель, разумѣется, заслоняетъ Чехова доктора.

Потемнѣлъ, и потомъ, долго спустя:

— Когда-нибудь убѣдятся, что я, ей Богу, хорошіи медикъ!

IX.

Какъ-то задѣло меня разъ замѣчаніе газетнаго рецензента. Усомнился онъ,—былъ ли я въ Испаніи. Ужъ очень неправдоподобными показались ему тамошніе нравы. Встрѣчаю А. П., говорю ему:

— А гдѣ онъ живетъ?

— Кажется, на Гороховой.

— Ну, еще бы! На Гороховой вѣдь этого нѣтъ, потому онъ и не вѣрять! Помилуйте, и у него глаза есть. По тро-

туару въ редакцію ходить, — видитъ, гдѣ они, эти самые торреро, — нѣтъ ихъ! И вы тоже! Желудокъ у него слабый, а вы ему столько этой шпанской мушки насыпали. Ну, и не выдержалъ. Войдите въ его положеніе. Вы думаете, мнѣ не приходится тоже встрѣчать такихъ. Одинъ вчера по поводу моего „Двоеженца“— „это неестественно!“, а у самого носъ круглый, глупый и глаза, знаете, какъ у сытыхъ свинокъ...

Рамки газетнаго фельетона не даютъ возможности выбрать изъ своей памяти еще нѣсколькихъ встрѣчъ съ А. П. Чеховымъ... Потомъ я вернусь къ нему, потому что у такихъ, какъ онъ, каждая фраза, письмо—носятъ на себѣ отраженіе его самого. Эти крупинцы—мелкіе жемчуга, и ихъ надо собирать, не утрачивая ни одного зерна... Солнце его таланта горѣло, какъ въ росинкахъ, въ кажущихся незначительными встрѣчахъ...

— Вы всѣ счастливыцы... Всѣ... кромѣ меня.

— Это какъ?—завопили мы.

— Вы будете жить, когда меня зареютъ...

А черезъ годъ я возвращался утомленный съ боевыхъ позицій... Манчжурскія дали уходили въ туманъ. Едва-едва намѣчались въ немъ китайскія ольхи съ черными шапками омелы. Какой-то офицеръ поравнялся... Мы другъ друга не знали.

— Слышали?

— Что...

— Чеховъ умеръ!..

И голосъ у него дрогнуть... Даже отвернулся, чтобы не выдать волненія...

Я вдругъ почувствовалъ, какъ и онъ: оба мы утратили дорогое, милое, близкое. Я—мало встрѣчавшійся съ Антономъ Павловичемъ, онъ—вовсе его не видѣвшій. Острая боль отъ обиды. Совершилась злая шутка надъ человѣчествомъ. Великая и бессмысленная несправедливость!

Эти короткія два слова: „Чеховъ умеръ!“ точно стерли изъ памяти зрѣлище только что видѣнныхъ отчаянныхъ наступленій, упорнаго боя, сотенъ разбросанныхъ по залитой кровью землѣ труповъ... Погасли стоны раненыхъ, грохотъ барабановъ, ревъ далекихъ орудій и визгливыхъ стenanій разрывающихся шрапнелей... Все это вдругъ показалось неважнымъ—послѣ громадной всемірной утраты...

„Чеховъ умеръ!“

Вас. Немировичъ-Данченко.